

И. Звавич

Олдос Гексли

1

Олдос Гексли, автор нашумевшего романа «Контрапункт», несомненно является одним из крупнейших писателей современной Англии. На русском языке вышли всего — ранний роман Гексли «Шутовской хоро-вод», «Контрапункт» и «Утро в Базеле», представляющий собой отрывок из последнего романа «Слепые в Газе». Короткие рассказы и очерки Гексли, а также его публицистические статьи у нас мало известны. Советская критика еще не уделила Гексли должного внимания. Между тем его талант, завоеванный им среди определенных кругов английских читателей авторитет, острота затронутых им тем—все это должно было бы заинтересовать нашу критику.

Гексли принадлежит к послевоенному поколению английских писателей. Он родился в 1894 году в семье известного литератора и был внуком знаменитого английского биолога Томаса Гексли. (Кстати сказать, в погоне за передачей на русском языке фонетического произношения фамилии Гексли наши издательства упустили из виду, что труды деда давно переведены на русский язык.) Олдос Гексли получил воспитание в знаменитом Итонском колледже и затем закончил высшее образование в Оксфорде (колледж Баллиоль). Печататься Гексли начал после мировой войны, которая оказала решающее влияние на идеологию всего его поколения. Еще в Оксфорде Гексли примк-

нул к группе молодых интеллигентов, группировавшихся вокруг фабианского общества, созданного в 1884 году Сиднеем и Беатрисой Вебб, Бернардом Шоу и другими видными представителями английской интеллигенции. Молодые фабианцы еще меньше, чем «старики», были связаны с массой. «Старики» фабианцы, по выражению Энгельса, понимая неизбежность социализма, не решались предоставить это дело «грубому пролетариату» и милостиво брали на себя заботу о переустройстве общества. Для фабианской молодежи социалистический идеал был чем-то бесконечно далеким, но в то же время удовлетворявшим их не вполне ясно осознанному желанию внешне чувствовать себя социалистами, реформаторами. «В «социализме» Гексли и ему подобным было множество интеллектуальных наслоений: тут был и возрожденный христианский социализм с его непротивлением злу, воспринятый от Толстого с известной примесью идей Ганди, и эстетическая неудовлетворенность настоящим, пронесенная сквозь призму работ Рескина и Морриса, и старое фабианство с его вредной идеологией и претензией на научность, и влияние русской революции, воспринятое в чисто интеллектуальном плане, и, наконец, протест против закостенелых традиций быта, против «миссис Гренди» (обывательщины), клеймящей естественные запросы жизни и молодости.

Гексли вошел в английскую литературу с грузом интеллектуальных восприятий и переживаний, литературных влияний и кружковщины. Ему не доставало, и поныне недостает, знакомства с жизнью подавляющего большинства Англии. Поэтому при всей той учености, которой, подобно Анатолю Франсу, обильно уснащает Гексли свои произведения, в них заметна некоторая ограниченность кругозора, проистекающая из ограниченности самого поля наблюдений Гексли. Эта ограниченность кругозора осталась у Гексли, несмотря на то, что он об'ездил полмира, побывал в Америке, и в Индии, и в Малайских владениях Англии и Голландии, хорошо знает Францию и Италию.

Это—ограниченность писателя, которому органически чужды не только заботы о хлебе насущном, но и то большинство, для которого эти заботы являются повседневным переживанием.

Не случайно поэтому, что в творчестве Гексли такое значительное место занимают эстетические проблемы. Гексли пришел в литературу как индивидуалист и эстет, защищающий свое право мыслить и поступать так, как ему заблагорассудится, в согласии с собственным критерием справедливости и красоты.

В двух произведениях Гексли эстетические проблемы поставлены наиболее остро: в дневнике путешествия, изданном в 1926 году под заглавием «Пилат-шутник», и в романе «Прекрасный новый мир», опубликованном в 1932 году.

Эпиграфом к своему дневнику, имеющему подзаголовок «Интеллектуальный отдых», Гексли избрал фразу Френсиса Бэкона: «Что есть истина, спросил шутя Пилат, и не стал дожидаться ответа». Истина многогранна, и каждому видна одна сторона истины, утверждает скептик и эстет Гексли; каждый может избрать истину себе по вкусу. Путешествуя, Гексли из мира древней культуры — из Индии и Малайи — попал в Америку, эту обетованную землю буржуазии эпохи «просперити». Отношение Гексли к Америке очень интересно; оно является показательным для всего его творчества.

«Ныне, — пишет Гексли, — когда свобода устарела, равенство опровергнуто и невозможность братства доказана, государства должны сменить веши и лозунги. Остроумие, Бесплодие, Банкротство — таковы должны быть лозунги современной Франции. Для Америки и эти лозунги неподходящи. Национальные лозунги должны соответствовать фактам национальной жизни. На государственном гербе Америки я бы начертал: «Жажда жизни, Благоденствие, Современность».

Свобода, равенство и братство не вызывают у Гексли никакого другого чувства, кроме скептического разочарования. Но еще менее приемлемы для Гексли лозунги буржуазной Америки. Гексли подвергает заслуженной суровой критике действительность, созданную американским капитализмом. Он обрушивается особенно на то, что называет «современностью». Эта современность в его глазах является отказом

от исторических традиций, означает забвение всяких иных ценностей, кроме чисто материальных. Гексли подчеркивает, что деловая Америка не признает «бесполезных» вещей; все жизненные ценности, все то, что создает цивилизацию и прогресс, все это «бесполезно» в американском понимании. «По сравнению с производством готовых завтраков и готовых гробов, — пишет Гексли, — всякое научное исследование, всякое искусство, всякая религия — бесполезны». Деловые люди Америки фальсифицировали прежний уровень ценностей. «Услуги, предоставленные обществу каким-нибудь погребальным делом мастером или агентом по продаже земельных участков, в Америке считаются равными тем услугам, которые оказывает человечеству художник или ученый. Американский мещанин — Бэббит — со всей искренностью верит, что он и ему подобные имеют перед человечеством заслуги, равные заслугам Пастера и Ньютона. Удачливые биржевые маклера могут по возвращении домой в день успешных биржевых спекуляций чувствовать себя столь же счастливым, как Будда чувствовал себя в тот день, когда он отказался от мира и приобщился к божественному откровению».

Для Гексли Америка символизирует собою упадок культуры, несмотря на всю «современность» ее техники, организации, быта, на всю «изменчивость» ее экономики.

В этой критике много верного. Но фабианскому социалисту Гексли Америка представляется крайним проявлением современной цивилизации вообще, той Меккой материальной цивилизации, к которой одинаково стремятся и буржуа и рабочий. И те, и другие, по мнению Гексли, мечтают не о вечных ценностях, а о сегодняшнем материальном блаженстве, и для тех и для других материальное заслоняет духовное и вечное.

Эта точка зрения эстета и декадента, которому чуждо понимание революционного социализма, наиболее ярко выражена в романе Гексли «Прекрасный новый мир». Гексли описывает будущее общество, в котором доведены до абсурда тенденции, вызывающие у автора озлобление уже в окружающей его современности. Это тенденции ко всеобщему уравниванию во мнениях, всеобщей посредственности, всеобщности ощущений, взглядов, к интеллектуальной стандартизации. Будущее общество, нарисованное Гексли, делится на касты, отли-

чающиеся друг от друга физиологически; в таком обществе нет более нормального деторождения, — зачатия, родов, материнства и отцовства, а существует лишь искусственное «производство людей» в инкубаторах, где будущим людям прививают определенные «свойства» в согласии с их назначением в жизни. Люди касты «альфа» — высшей породы людей — предназначены для руководства: серое вещество мозга допущено в их организм в соответствующей консистенции. Люди касты «ибсилон» — самой последней касты — также «полезные»: они выполняют самые неприятные работы, и мозг их ничтожен. Они не могут и помышлять о перемене своей тяжелой участи, о возмущении против установленного порядка. Но несмотря на то, что человечество делится на многочисленные касты, все люди глубоко удовлетворены своим положением, — не потому, что это положение действительно блестяще во всех отношениях, а потому, что всякое чувство протеста заглушено в них всепроникающим и все подчиняющим аппаратом пропаганды. Дело пропаганды научно поставлено; это уже не пропаганда даже, а наука массового внушения. Путем массовых повторений людям в зародышевом и младенческом состоянии внушают необходимые для данной касты навыки, внушают условности «нового» бытия, самодовольство и привычку подчиняться «новому» общественному строю. У людей «прекрасного нового мира» все это превратилось в своего рода комплекс условных рефлексов, от которых люди освободиться не могут, даже если бы они того и пожелали. Только немногие представители высшей касты, которым привиты навыки самостоятельного мышления, могут слабо возражать против общей линии поведения.

Гексли издевался не только над «американизмом», с его стандартизацией вкусов и идей, и над фашизмом, отвергающим всякую культуру, кроме той материальной культуры, которая нужна для того, чтобы обеспечить подчинение масс. Гексли издевался над мыслью об освобождении человечества от наемного рабства, о превращении труда в свободное, радостное творчество из проклятия, каким труд является в условиях капитализма. Эстет и индивидуалист, критикующий самодовольство людей «прекрасного нового мира», не понимает, что освобождение от наемного рабства,

прекращение эксплуатации человека человеком является необходимой предпосылкой для расцвета новой культуры.

Гексли не раз отрицает равенство и издевается над претензиями сторонников полной эгалитарности. Но его заряды, обращенные против коммунизма, разят лишь воображаемых противников; коммунизм не имеет ничего общего с мелкобуржуазной уравниловкой. Коммунизм создает лишь равные условия для проявления талантов людей; коммунизм обеспечивает возможность роста всех способностей, а капитализм заглушает огромное их большинство, ведет к гибели наиболее одаренных натур, которые не могут выбиться из тесных рамок общественного строя, выросшего на основе частной собственности. Капитализм таким образом неслыханно сужает возможности культурного развития и открывает дорогу немногим талантам да «обнаглевшей бездарии», приобревшей по наследству от отцов или за счет присвоения продуктов чужого труда материальные средства, обеспечивающие досуг, необходимый для занятий наукой и искусством.

В своем манифесте эстета, направленном против материального благополучия, Гексли ухитряется не замечать последствий той нищеты, которая является уделом современного человечества за пределами одной шестой земного шара. Эстету Гексли претит самодовольство и пресыщение, которыми полны люди «прекрасного нового мира»; этот мир представляет собой поистине пессимистическую утопию. Но где видел Гексли в 1932 году, в разгар мирового экономического кризиса, тенденции к росту материального благополучия масс? Американское «просперити» все еще осталось у него перед глазами. Он живет плохо понятым вчерашним днем.

Единственным человеком в «прекрасном новом мире» Гексли оказывается выходец из туземной «резервации», которая сохранена где-то в Южной Америке в назидание человечеству. В туземной «резервации» живут люди попрежнему, так, как жили тысячу и две тысячи лет назад, со своими старинными, «нормальными» представлениями о морали, о боге, о любви, о «бесполезных вещах», какими в глазах Гексли являются «высшие ценности» — наука и искусство. Директор огромного «человеческого инкубатора» побывал в «резервации» с любимой женщиной, предательски бросил

ее там, и там у нее родился сын. По представлениям, господствующим в «прекрасном новом мире», нет худшего стыда, чем такое рождение. Самое упоминание о материнстве, как возможности, считается чудовищным. Поэтому и мать и сын никогда более не могут рассчитывать на возвращение в семью «цивилизованного человечества», и только случайность — посещение «резервации» доктором Бернгардом Марксом (!!) — открывает эту возможность. «Маркс» сносится с властями, которые разрешают ему «ради опыта» вывезти мать и сына из «резервации». Столкнувшись с «цивилизацией», нормальный человек погибает; он не может вынести всеобщей стандартизации мнений и чувств, ищет уединения и, не находя его, умирает.

Роман «Прекрасный новый мир» был реакционной утопией.

2

Гексли гораздо более интересен для нас как бытописатель, как свидетель и наблюдатель определенной полосы в развитии английского буржуазного общества. Ученик Пруста и несомненно один из наиболее способных его учеников, Гексли, подобно Прусту, черпает свои наблюдения из воспоминаний о пережитом и продуманном. Его романы «Шутовской хоровод», «Опавшие листья» и «Контрапункт», его рассказы (сборники «Огарки» и «Чистилище») имеют немало общего с томами «В поисках за утраченным временем». Наблюдения Гексли, подобно творчеству Пруста, ограничены и интенсивны: Гексли учится у Пруста искусству строить рассказ на тщательном мозаичном выписывании мелочей, из которых создается образ. Тот, кто раз прочитает Пруста, не забудет ни описываемой им среды, ни его героев. Самая тщательность Пруста в изображении переживаний и чувств его героев возможна только в условиях сплошного досуга, когда автор может отдаться своим мыслям полностью, погрузиться в сладостный жар воспоминаний. Гексли бережливо следит за нюансами чувств, подбирает обрывки своих и чужих переживаний, анализирует их холодно и спокойно, иногда без всякой оценки, и тем сильнее картина, им нарисованная.

Роман Гексли нелегко читать. У Гексли нет главных героев, нет и единой сюжетной линии романа. Основной сюжет или

сюжеты перебиваются параллельными повествованиями; в романах «Контрапункт» и «Слепые в Газе» отдельные эпизоды сбиты вместе, и читатель сам должен восстанавливать, воссоздавать костяк романа. В английской печати возникла даже полемика по поводу того, с какого конца и как следует читать последний роман Гексли «Слепые в Газе».

Рассказы Гексли легче для чтения и поэтому популярнее его романов. Некоторые из этих рассказов (например — «Улыбка Джиоконды» и «Монашки за завтраком») принадлежат к числу лучших новелл в послевоенной английской литературе; их можно поставить рядом с рассказами Сомерсета Могема и Голсуорси. В рассказах литературные достоинства Гексли выявляются ярче: диалог блещет остроумием, переходящим порой в резкую иронию, неожиданная символика, родственная бодлеровским «Цветам зла», не кажется утомительной и оправдана необычайностью положений.

Наименьшее число читателей несомненно могут иметь поэзия и публицистика Гексли. В своих немногих поэтических произведениях (сборники «Цикады» и «Леда») Гексли выступает как декадент; его внимание привлекает не жизнь, как она есть, а феерическое представление о ней, сложившееся под влиянием Бодлера. В публицистике Гексли — дилетант, нагромождающий бесчисленных авторов, произведения которых он цитирует; за набором самых неожиданных цитат не видно мыслей автора. Все его публицистические произведения представляют собою отголоски споров, которые велись когда-то в литературных салонах Блумсбери. Они могут дать ключ к некоторым взглядам, высказанным затем героями романов Гексли. Так, записные книжки Пруста могли бы помочь нам разобраться в генезисе его творений. Будущий историк литературы привлечет к анализу романов и рассказов Гексли его публицистические произведения.

Даже по сравнению с Прустом Гексли уже в ранних своих романах — крайний пессимист. Среда, бытописателем которой он является — буржуазная интеллигенция, богема, свет и полусвет — ему отвратительна, но он сам является плотью от плоти и кровью от крови этой среды. У Пруста его воспоминания с Сване и мире Свана подернуты дымкой очарования прошедшей моло-

лости; у Гексли рассказ о «шутовском хоро-воде» его героев окрашен сознанием полной бессмысленности своего и их существования.

Большие романы Гексли—«Контрапункт» и «Слепые в Газе» — автобиографичны. Автор выводит себя самого под именем Филиппа Куорлза в первом из этих романов и под именем Антони Бивиса — во втором. Автор беспощаден к самому себе; он рисует себя человеком, исполненным самых благих намерений, но лишенным воли. Филипп Куорлз — скептик, лишенный чувства; обладая превосходным аналитическим даром, Куорлз не способен сделать практический вывод из результатов собственного анализа. Антони Бивис в романе «Слепые в Газе» разрушает счастье своего друга, увлекает его невесту без всякого чувства, во имя пустякового пари, предложенного стареющей развратницей — любовницей Бивиса. В итоге отвратительного поступка Бивиса, друг его, школьный и университетский товарищ кончает жизнь самоубийством. В «Контрапункте» Филипп Куорлз своей холодной бесчувственностью толкает свою жену Элинор в объятия честолюбца Уэбли.

Отсутствие воли—болезнь английской интеллигенции послевоенного периода, которая превосходно отражена в романах Гексли. Не случайно, что в той среде, которую описывает Гексли, пьесы Чехова имели поистине потрясающий успех. В героях и героинях «Вишневого сада» и «Трех сестер» представители послевоенной английской интеллигенции увидели самих себя; старый предвоенный мир рушился вокруг них, сажая почва, на которой они выросли, уходила у них из-под ног, а они все еще оставались стоять, погруженные во внутреннее созерцание. Когда-то легендарный англичанин, возмущенный безводем чеховских героев, спросил: «Сколько же стоит билет до Москвы? Неужто так дорого, что сестры купить себе билета не могут?» Теперь герои Гексли — английские интеллигенты — одержимы недугом чеховских героев. Они сознают ложь окружающей их жизни, но не в состоянии, не в силах бороться с ней и, попустительствуя лжи, сами оказываются виновны в ней.

У советского читателя Филипп Куорлз и Антони Бивис вызывают острое раздражение. Неплохие, казалось бы, люди: многое им понятно, но анализ сам по себе никому не ведет. Поэтому даже картина разло-

жения, мастерски нарисованная Гексли на примере таких героев «Шутовского хоро-вода», как Гамбрил, «Контрапункта», как Спендрелл, или «Слепых в Газе», как Мэри Ледвидж, не вызывает у читателя такого гнева, как образы Филиппа Куорлза и Антони Бивиса.

Картина разложения интереснее. С английского буржуа сорван покров лицемерной морали. Для Спендрелла и Гамбрила, для Мэри Ледвидж и ее любовника все позволено — и убийство, и кража, и насилие над женщиной. Любовник Мэри Ледвидж в «Слепых в Газе» искусно обирает мать и делает своей любовницей дочь Мэри — Элен. Перед нами люди, которые действуют под покровом закона, под прикрытием государственной власти. Они удивительно напоминают героев Достоевского и в английской обстановке. Преступление манит этих людей всей силой неизведанного наслаждения. Всякое представление о долге, о морали, об обществе выжжено, вытравлено, перестало существовать. Осталась одна только страсть — страсть к переживаниям. Нет более никаких задерживающих центров. Английские Раскольниковы — продукт послевоенного разложения; это мерзавцы и трусы. Но они знают, чего хотят, и не безвольным Куорлзам и Бивисам вести с ними борьбу.

3

Гексли достигает наибольшего художественного эффекта в описании таких натур, как Спендрелл из «Контрапункта». Его негодяи необыкновенно убедительны и правдивы. Но не менее удаются Гексли и типы, подобные Барлепу из того же «Контрапункта». Это лицемеры и проводники буржуазной морали. Вот законченный портрет Барлепа, нарисованный рукой мастера:

«Любовь Барлепа походила на любовь ребенка к своей матери (правда, ребенка с наклонностями к кровосмешению; но какой это был тактичный и деликатный маленький Эдип); его любовь была одновременно младенческой и материнской; его страсть была своего рода стремлением приютиться в женских объятиях... Его периодически появлявшиеся в печати статьи, восхвалявшие брак, были полны лиризма. Тем не менее он неоднократно изменял жене; но он ложился в постель с женщинами так невинно, так по-детски и так платонично, что ни женщины, ни даже он сам

едва ли вообще замечали, что ложатся в постель. Его жизнь с Сюзан была длинным рядом сцен всех эмоциональных оттенков. Он пережевывал какую-нибудь обиду до тех пор, пока не отравлял себя ядом гнева или ревности. Или он углублялся мысленно в собственные недостатки и доводил себя до униженного раскаяния, или катался у ее ног в экстазе кровосмесительного преклонения перед воображаемой матерью-ребенком-женой, с которой ему заблагорасудилось отождествить Сюзан...»

Этакий мелкий Тартюф. Общественная жизнь Англии полна подобными людишками, которые оскверняют ее литературу, науку и искусство. Известно, что образ Барлепа списан с некоего Миддлетона Марри, которого иногда называли в шутку «Миддлетон Мерри» (по-английски — «веселый путаник») и который прошел все стадии идеологических увлечений части английской интеллигенции после войны — от достоевщины до фашизма, — оставаясь в сущности самим собой, то есть жалким лицемером. Но до Гексли ни один писатель не описывал героев этой среды с такой всепоглощающей правдивостью, с такой безжалостностью. И в этом заслуга Гексли. Его пошляки и негодяи не абстрактны; это вполне осязаемые, конкретные натуры. Беседа, диалоги, споры, которые ведут в «Контрапункте» герои Гексли, — все это совершенно точное отображение действительности, записанное автором тем тщательнее, что не всегда он может или даже желает дать этой действительности свою оценку. Ибо у Гексли, этого мастера анализа, вплоть до последнего времени не было положительных идеалов. Он жил одним лишь все раз'едающим скептицизмом, ни во что и ни в кого не веря. Он подходил к жизни только с эстетическим критерием. Этого мало!

Мир Гексли — жизнь интеллигенции и литературной богемы. Этот мир в Англии близко соприкасается с «большим светом», с миром богатых и обеспеченных людей, которые имеют претензию на вкус в области искусства, на решающие мнения в области политики, на «социальный заказ» в области науки. «Большой свет» описан Гексли в романе «Опавшие листья». Действие романа происходит в итальянском поместье г-жи Олдвинкль, английской миллионерши, живущей «в свое удовольствие» и окружающей себя целым «придворным штатом» писателей, ученых, политиков и ари-

стократов. Г-жа Олдвинкль из «Опавших листьев» и лэди Тэнтемаунт из «Контрапункта» испытали все доступные наслаждения. Они себялюбивы и злы; лэди Тэнтемаунт стравливает своих гостей, развлекаясь тем, что ее «львы большого света» невольно под ее бичом опытной укротительницы кусают, грызут и царапают друг друга. Г-жа Олдвинкль играет чувствами окружающих; она пробуждает в своей племяннице первое чувство любви, с тем лишь, чтобы поставить на пути его непреодолимое препятствие. Миссис Олдвинкль и лэди Тэнтемаунт — паразиты, и немногим писателям послевоенной Англии удавалось изобразить светских паразитов с такой яркостью, как Гексли. Жизнь героев из «Опавших листьев» столь же бессмысленна, как и жизнь героев «Шутовского хоровода»: но сколько человеческого труда положено для того, чтобы содержать паразитов из «Опавших листьев»: какая бессцельная затрата энергии во имя прогресса, если прогресс приводит лишь к господству в жизни г-жи Олдвинкль. Вот вывод, к которому подводит читателя Гексли.

В весьма непривлекательных тонах изображены у Гексли и те «деловые люди», те «капитаны промышленности», которых Герберт Уэллс превознес в своем романе «Виллиам Клиссольд». По сравнению с Германией и Америкой — довоенная Англия отставала в области концентрации промышленности, в области сращивания банковского и промышленного капитала. Война явилась временем, когда Англия начала быстро преодолевать это отставание, и в послевоенные годы в Англии народилось немало «хозяев жизни», магнатов капитала, напоминавших американских миллиардеров. Многие английские романисты отдали дань этим «новым героям»: и Реджинальд Мак-Кенна, и Герберт Уэллс, и покойный Арнольд Беннет в своем романе «Лорд Рэйнго». Олдос Гексли изобразил этих «героев» в двух превосходных рассказах: «Чоудрон» (в сборнике «Огарки») и «Банкет в честь Тиллотсона» (в сборнике «Извивы смерти»). И в том, и в другом рассказе коммерсант Чоудрон и лорд Баджери — себялюбцы, ничтожные люди и беспринципные негодяи. Орел, которым они окружены, создан усилиями подлинно великих людей — писателей и художников. Чоудрону противопоставлен в рассказе Гексли журналист Тильней, соста-

живший по поручению Чоудрона за деньги литературную автобиографию последнего. Вся автобиография — чистейший вымысел, но в глазах потомства Чоудрон навеки обеспечен славой. Его волевая энергия направлена лишь на то, чтобы высосать соки из окружающих его людей, использовать мозг, труд, энергию и чувства других. Но у этого страшного паразита находится свой малый паразит, который советует ему: маленькая, ничтожная женщина, которая, однако, умеет действовать на сурового «бизнесмена» с помощью примитивной мистики, дешевого гипноза, и тем подчиняет Чоудрона себе. Чоудрон и лорд Баджери из рассказа «Банкет в честь Тиллостона» не только не заслуживают занижаемого ими положения, они попросту глупы.

4

Действенные, волевые натуры гораздо меньше удаются Гексли. В «Контрапункте» к числу действенных натур может быть причислен «коммунист» Иллидж и фашист Уэбли; в «Слепых в Газе» — пацифист Миллер и коммунист Экки Гизебрехт. Ассистент крупнейшего биолога лорда Эдварда Тэнтемаунт, Иллидж считает, что слепой случай дал ему возможность выдвинуться в мир богатых и обеспеченных людей. Иллидж не хочет играть в нем ни роли приживалки, ни роли философа-раба, подобно древнегреческим философам при богачах Рима. Иллидж ненавидит окружающую его пошлость и ложь, ненавидит ничем не оправданное довольство и цинический эгоизм «света». Но Гексли в романе «Контрапункт» совершенно не разбирается в коммунизме, как революционном учении. Его Иллидж больше похож на анархиста, чем на большевика. Иллидж готов действовать за свой страх и риск, путем взрыва или убийства, и оказывается поэтому безвольным орудием в руках Спендрелла, который провоцирует его на убийство фашиста Уэбли.

Уэбли изображен в «Контрапункте» скорее симпатичными чертами. Это не только человек, который знает, чего хочет: это здоровая и цельная натура, к которой у автора нет настоящей глубокой неприязни, которой он скорее симпатизирует. По отношению к Уэбли на палитре Гексли находятся краски довольно снисходительной иронии. Его фашисты не опасны, это якобы

только гадкие мальчишки, которые способны лишь расквасить нос нескольким своим противникам.

Между «Контрапунктом» и «Слепыми в Газе» прошло восемь лет. К 1936 году германский фашизм имел за собой страшный итог убийств и насилий. И в новом своем романе Гексли создает необычайно привлекательный образ немецкого коммуниста Экки Гизебрехта, погибающего от руки фашистов в Базеле, куда его увлекают фашистские провокаторы и убийцы. Теперь фашисты для Гексли уже не «гадкие мальчишки»; это подлинные бандиты. Большая художественная правда в мастерском описании убийства Гизебрехта. Оно дано очень просто, в протокольной форме. Коммунист Гизебрехт убит изменнически на квартире, куда он прибыл для встречи с партийным товарищем. Его завлекли в Базель предатели, ставшие агентами фашизма. Жена Гизебрехта — Элен Ледвидж — видит уже только труп мужа, и тут же падает сама от удара фашистского бандита. Фашистам все позволено — их не ждет никакое преследование.

Итак, за истекшие восемь лет угроза фашизма заставила, казалось бы, прозреть эстета и индивидуалиста Гексли. Но, симпатизируя Гизебрехту, автор отнюдь не хочет идти по его пути. Он создал себе новый кумир, который должен заменить прежний скептицизм. Этот кумир — христианское непотворение злу, конструктивный пацифизм.

Отныне смысл жизни Гексли видит в перевоспитании человечества методами убеждения. Он хочет противопоставить бандитизму добродетель, фашизму — христианство. Уже в романе «Слепые в Газе» Гексли не раз высказывался отрицательно по поводу всякого применения силы, с какой бы то ни было целью. Теперь, в новом памфлете, выпущенном группой пацифистов, руководимой одним из английских попов (Г. Шеппардом), Гексли проповедует полный отказ от применения силы, борьбу с угрозой войны путем созерцания, погружения в себя, отказа от участия в какой бы то ни было войне, во имя чего бы то ни было. Гексли учит, что не «цель оправдывает средства», а что средства определяют конечный результат человеческого поведения и государственной политики.

Оказывается, по Гексли, борьба с фашизмом должна заключаться не в том,

чтобы противопоставить силу силе, чтобы поднять на бой с угнетателями всех трудящихся, а в том, чтобы «убедить» людей отказаться от применения силы вообще.

Гексли предлагает в качестве практического мероприятия созвать конференцию всех стран мира и заранее принимает фашистский тезис об «удовлетворенных» и «голодных» державах. Гексли призывает Англию, Францию, США и СССР не сопротивляться фашистской агрессии, а мирным путем удовлетворить претензии агрессоров, дать им территориальные, хозяйственные и финансовые уступки.

Гексли не видит того, что уступки фашизму могут только усилить его, побудить его к дальнейшему нападению. Фашистские бандиты видят в «творческом пацифизме» Гексли и его соратников либо проявление слабости, либо отсутствие воли. Так невольно «творческий пацифизм» Гексли способствует фашизму. Гексли и ему подобные срывают единый фронт борьбы за мир против агрессора, против угрозы войны.

Политические взгляды Гексли сами по себе наивны и его предложения не серьезные. Но Гексли приобрел в влиятельных кругах английской интеллигенции авторитет тем, что он безбоязненно описывал в своих романах пошлость и ложь интеллигентской среды. Он незаурядный писатель, и приходится трижды пожалеть, что он на данном этапе своего творческого пути сблизился с пацифистами. Но это не случайно. Нелегко от самоанализа и болезни воли сразу перейти к борьбе за освобождение трудящегося человечества.

Нельзя было ожидать, чтобы писатель, столь чуждый народным массам, одной лишь силой таланта сразу преодолевал расстояние, отделяющее его от нас. Показательно уже то, что Гексли почувствовал грозное дыхание предстоящей войны. Взгляды Гексли отражают широко распространенный среди английской интеллигенции страх перед войной. На этом страхе, на стремлении спрятать, подобно страусу, голову под крыло, спекулируют в Англии скрытые реакционеры, объявляющие себя сторонниками невмешательства Англии в борьбу между «идеологическими блоками» между фашизмом и коммунизмом. Такая позиция Англии и агитация английских пацифистов только способствуют развязыванию сил войны.

С такими, как Гексли, необходимо вести борьбу. Но борьба должна вестись не только против них, но и за них. Весь опыт испанских событий, весь итог интервенции Италии и Германии в Испании должен убедить всех, кто поддается убеждению, что непотворение злу, толстовство — «творческий» пацифизм — есть лишь опаснейшая игра с огнем. Не случайно, что гражданская война в Испании вызвала в среде английской интеллигенции, среди читателей и почитателей Гексли, определенный поворот влево. Создался «левый фронт», в который вошли компартия, независимая рабочая партия и социалистическая лига; создался «Клуб левой книги», приобревший до 40 тысяч членов. Нужно надеяться, что Гексли вскоре разочаруется в своем «конструктивном пацифизме», как он отказался от прежнего скептицизма.